

Производство и труд в пенитенциарной системе: динамика кризиса и неопределенность будущего

О.А. ПОГУДИН, кандидат экономических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. E-mail: pogudinoa@mail.ru

Анализируя итоги экономической деятельности пенитенциарной (уголовно-исполнительной) системы за прошедшее десятилетие, автор констатирует, что она не реализует социальные функции по трудовой адаптации осужденных и неэффективна как рыночный субъект. В условиях, когда уголовно-исполнительная система не интегрирована в национальную экономику, ее производственный сектор объективно настроен на консервацию отсталых технологий и некавалифицированную занятость арестантов.

Ключевые слова: экономика уголовно-исполнительной системы, кризис производства в уголовно-исполнительной системе, состояние занятости, эффективность труда осужденных

Россия по-прежнему среди лидеров по количеству осужденных (по статистике ФСИН¹, на 1 января 2017 г. их было 522,8 тыс. чел.) [1, 2]. По состоянию на 2016 г., это 0,46% от численности населения страны в возрасте от 20 и более лет [3. С. 28]. Поэтому вопросы о том, как и в каких целях следует использовать их трудовой потенциал, особенно на фоне предстоящего масштабного дефицита численности трудоспособного населения, более чем актуальны.

Однако производственный сектор пенитенциарной (уголовно-исполнительной – УИС) системы сегодня перестал выполнять присущие ему функции по результативному применению труда осужденных и изготовлению ими качественной и конкурентоспособной продукции. Не более трети содержащихся в исправительных учреждениях лиц привлекаются к оплачиваемому труду

Как результат, уголовная система все хуже справляется с одной из своих главных функций – «исправительной». В общей численности «сидельцев» доля ранее отбывавших наказание достигла 64% [2]. При ежегодном освобождении из мест заключения около 270 тыс. чел. треть из них становятся рецидивистами [4].

¹ ФСИН (Федеральная служба исполнения наказаний).

Социально-экономические индикаторы: можно хуже, но некуда

С начала 2000-х годов в результате неоднократных ведомственных «реформаций» и «оптимизаций» многие еще недавно вполне технологичные пенитенциарные производства (сейчас это 566 центров трудовой адаптации осужденных и 80 учебно-производственных мастерских) превратились в примитивные раннекапиталистические мануфактуры, их производственные мощности используются лишь на 58,3% [5].

С 2010 г. по 2014 г. объем товарной продукции (работ, услуг), изготовленной в учреждениях уголовно-исполнительной системы, вырос в сопоставимых ценах лишь на 10,5%, составив в 2014 г. в текущих ценах сумму 32,6 млрд руб. [6. С. 175], в 2015 г. – 33,2 млрд руб. [5], а в 2016 г. – лишь 31,2 млрд руб. Свыше половины произведенной продукции потребляется внутри системы [5].

Многие авторы преувеличивают экономическую значимость для страны нынешнего пенитенциарного производства, ошибочно считая ФСИН «огромной «госкорпорацией»» [7] и характеризуя ее экономический комплекс «...как мощную производственную структуру» [8. С. 172]. На деле доля производства уголовно-исполнительной системы в ВВП страны не превышает 0,05%, трудоустроенные осужденные составляют 0,22% занятых в экономике России [9. С. 59]. А начисленный среднестатистическому осужденному среднемесячный заработок – величина, равная 9,3% от уровня работников организаций [6].

Задачи, стоящие перед центрами трудовой адаптации (организация трудового воспитания осужденных; создание условий для их заинтересованности в результатах труда; восстановление и закрепление у них профессиональных и трудовых навыков для последующей адаптации в обществе), не реализуются. Один заключенный в месяц производит продукции на 17,3 тыс. руб. (в ценах 2014 г.)², а валовой добавленной стоимости – не более 5,0 тыс. руб. в месяц, при начисленном ему за тот же период заработке 3029 руб.³ [6]. Доля зарплаты осужденных (с 30%-м

социальным начислением) в структуре себестоимости продукции (в целом по всем направлениям деятельности) – 24%, а удельный вес зарплаты в создаваемой производственным сектором УИС добавленной стоимости – более 80% [6. С. 179], что существенно сдерживает рост трудовых доходов осужденных.

Иными словами, ограниченный человеческий капитал «работников по приговору» при минимуме производимой ими добавленной стоимости переводит любые вопросы, направленные на повышение их заработка, в разряд иллюзорных. Как точно в этой связи замечает Б. Земцов, «гомо арестантус» – существо, чаще всего... к труду и созиданию не способное» [12. С. 24].

Приведенные здесь цифры демонстрируют, что осужденные, занятые на производственных объектах (в 2015 г. их число составило 142,4 тыс. чел., а в 2016 г. – 133,1 тыс.), дают обществу в 4–5 раз меньше того, что сами от него получают [6. С. 178]. Данный тезис согласуется с позицией правозащитников, указывающих на то, что бюджетные расходы на ФСИН в 7,5 раза превышают приносимые ею в бюджет доходы⁴ [2, 13], иначе – производственно-хозяйственная деятельность ФСИН не приносит пользы ни обществу, ни потерпевшим (в том числе из-за невозможности компенсации причиненного осужденными вреда или осуществления ими пенсионных накоплений из их «копеечных» заработков⁵. Однако он «не вписывается» в их радикальный вывод «о рабском положении осужденных в современной России» [2], который, по нашему мнению, оказывается явно несостоятельным.

Ключевые причины деструктивных процессов в сфере материального производства и труда лиц, отбывающих наказания, определяются тем, что экспортно-сырьевая макроэкономическая модель страны не предполагает государственную хозяйственную активность и целенаправленную промышленную политику, а следовательно, не формирует спрос на труд осужденных и его результаты. Поэтому неудивительно, что с точки зрения достижения эффективного производства и занятости в местах лишения свободы оказалась безрезультативной реформа федеральных

² По иным сведениям, эта величина была несколько больше – 19 тыс. руб. [10].

³ По закону переводимая осужденному на лицевой счет сумма после всех удержаний не должна быть меньше 25% от начисленного ему заработка. Сегодня она в среднем 700–800 руб. в месяц. Однако, по «альтернативным» источникам, «зарботки в 200–300 руб. в месяц во многих местах норма» [11].

⁴ Подобное соотношение приводят и ведомственные исследователи, отмечая, что «расходная часть бюджета на содержание ФСИН почти в 7 раз превышает доходную (270,4 млрд руб. против 39,9 млрд руб.)» [3. С. 29].

⁵ Так, иски о возмещении ущерба имеют 90 тыс. осужденных [14], а затраты на их содержание компенсируются за счет удержаний из зарплаты лишь на 26% [15. С. 17].

государственных унитарных предприятий (ГУП) исправительных учреждений, а Концепция обеспечения устойчивой работы производственного сектора уголовно-исполнительной системы (от 2009 г.) так и осталась на стадии проекта.

Вспоминая траекторию реформы ГУП уголовно-исполнительной системы (2006–2010 гг.), отметим, что основополагающий ее посыл (т.е. лишение предприятий статуса коммерческих организаций и создание на их базе центров трудовой адаптации и учебно-производственных мастерских) исходил из принципа невозможности подчинения интересов отбывающих наказания лиц и их профессиональной подготовки соображениям получения прибыли от тюремного производства. Провозглашенный тогда курс на решение производственным сектором УИС не столько экономических, сколько социальных задач по трудовой адаптации, воспитанию и социальной реабилитации осужденных формально остался неизменным, хотя и породил вполне конкретные экономико-правовые коллизии, в сущности, так до конца и не разрешенные ни в теории, ни на практике⁶.

В идеале же средства, получаемые исправительными учреждениями (в те годы федеральными бюджетными учреждениями) от производства и реализации выпущенной ими продукции, должны были служить источником финансирования деятельности центров трудовой адаптации и учебно-производственных мастерских, а также идти на восполнение бюджетной сметы на содержание осужденных по недостающим статьям расходов.

Однако в реальности фиксируемой производственными структурами исправительных учреждений прибыли (в ведомственной терминологии – финансового результата) никогда не хватало ни на восполнение бюджетной сметы, ни на создание новых рабочих мест, ни на модернизацию технологий и обеспечение конкурентоспособности продукции.

Так, полученная по итогам 2008 г. (лучшего года по совокупному выпуску УИС и выработке трудоустроенных заключенных

⁶ Одни авторы видят в этом «противоречие целей производителей продукции в УИС и ее потребителей» [15. С. 17], другие – «фактор, влияющий на инвестиционную деятельность в экономике УИС, в том числе обусловленный ее спецификой» [16. С. 27]. В традиционном же понимании требование Минимальных стандартных правил обращения с заключенными является экономическим ограничением, которое должно учитываться при организации труда осужденных.

(рис. 1 и 2)) чистая прибыль составила 1,14 млрд руб. Этого хватило бы на создание и оснащение лишь 1036 дополнительных рабочих мест (0,7% от всех имеющихся на начало указанного периода)⁷. В 2009 г. в УИС имелось 146,6 тыс. рабочих мест для осужденных, оснащенных 95,2 тыс. ед. технологического оборудования. Среди них 55% эксплуатировалось более 15 лет и подлежало списанию, а на долю нового оборудования (со сроком эксплуатации до пяти лет) приходилось только 13% [18. С. 68].

Источник рис. 1–2: Официальные данные Росстата, ФСИН России, расчеты автора.

Рис. 1. Динамика промышленного производства в Российской Федерации и уголовно-исполнительной системе в сопоставимых ценах в 2005–2016 гг., %

При средних затратах по формированию рабочего места в ИУ в сумме 1,1 млн руб. и размерах инвестиций для строительства и технического перевооружения производственных объектов (4,2 млрд руб.) [17] следует признать невозможность обновления активной части основных фондов и наращивания капиталовооруженности производства силами самой пенитенциарной системы (по данным [17], износ зданий и сооружений в 2008 г. уже был более 62%, а машин и оборудования – 72%. Сегодня, по сведениям ФСИН, в исправительных учреждениях свыше

⁷ В 2003–2004 гг. в промышленном производстве УИС находилось около 200 тыс. трактующих с организационно-технической точки зрения рабочих мест. На начало 2008 г. их было уже 148,3 тыс., а в конце – на 300 позиций меньше. Причем аттестовано было лишь 56 тыс. рабочих мест [17].

120,0 тыс. единиц технологического оборудования со средним износом более 75%)⁸.

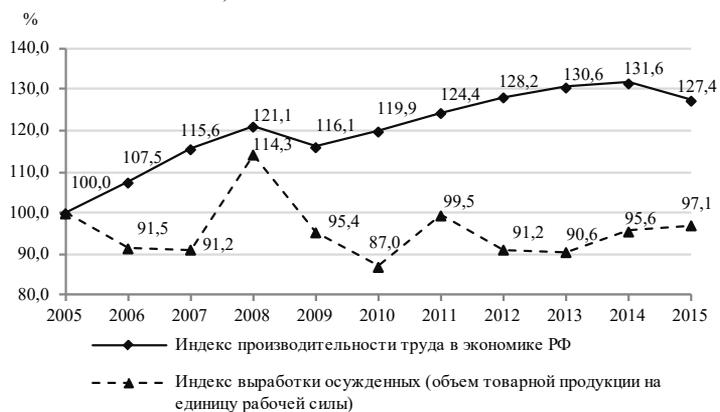

Рис. 2. Показатели производительности труда в экономике Российской Федерации и выработки осужденных в сопоставимых ценах в 2005–2015 гг., %

Зная все это, нетрудно подсчитать, что для приведения в соответствие числа осужденных и количества оснащенных рабочих мест (т.е. для преодоления излишнего вывода на оплачиваемые работы в среднем 1,19–1,22 человека на одно рабочее место притом, что официально трудоустроенных в УИС арестантов в 2008 г. было 181,4 тыс. чел.) требуется около 36 млрд руб. Это значительно превышает совокупный объем производства ФСИН товарной продукции (26,2 млрд руб. в ценах 2008 г.) и тем более сумму балансовой прибыли (например, в 2011–2014 гг. ее среднегодовое значение – 1,5–1,6 млрд руб.). В этих условиях не приходится говорить о расширении основного капитала и преодолении его технологической отсталости. Падение занятости осужденных (до 142,4 тыс. в 2015 г.) и снижение результативности их «трудовой адаптации» на остающихся в эксплуатации немеханизированных рабочих местах – события вполне естественные и прогнозируемые (см. рис. 1, 2).

Если в экономике страны после кризиса 2009 г. наблюдается медленное восстановление, то экономика УИС все последние годы движется в сторону неминуемой стагнации. Из-за недостаточной производительности, отсталых технологий, невысокого уровня человеческого капитала, отсутствия законодательной возможности получения кредитных ресурсов, ограниченного доступа к рынкам сбыта и иных признаков «неформальности» [19], экономическая система ФСИН принципиально не способна готовить к ресоциализации наказанных судом преступников. Неслучайно, как отмечают некоторые эксперты, уровень рецидивных правонарушений (наиболее значимый, по мнению криминологов, показатель эффективности деятельности УИС) достигает 30% среди освобожденных из учреждений общего режима и 50% – строгого.

Планируя основные направления деятельности, предусмотренные Государственной программой РФ «Юстиция» и Концепцией развития УИС до 2020 года (в ред. распоряжения Правительства РФ № 1772-р от 14.10.2010), в ведомстве едва ли не впервые официально заговорили о совершенствовании производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы и эффективности труда осужденных. Например, в той же Концепции нашлось место тезисам о создании в учреждениях дополнительных рабочих мест, обновлении производственной базы и выпуске конкурентоспособной продукции. Однако бюджетные средства на решение указанных задач в рамках упомянутой госпрограммы не направлялись; среди индикаторов уровня достижения стратегических целей госпрограммы нет ни одного, хотя бы косвенно связанного с производством и занятостью осужденных [17].

В обновленном варианте Концепции развития уголовно-исполнительной системы (в ред. распоряжения Правительства РФ № 1877-р от 23.09.2015) модернизация ее производственно-хозяйственной базы, равно как и внедрение новых форм производственной деятельности, создание рабочих мест посредством реализации механизма государственно-частного партнерства рассматриваются исходя из финансовых возможностей системы осуществлять данные мероприятия.

Однако названные ранее скромные размеры прибыли ФСИН делают инвестиции в производственную сферу совершенно недостаточными, а превышение амортизации над инвестициями

⁸ В структуре технологического парка 38,6% составляет оборудование для швейного и обувного производства, 21% – для металлообрабатывающего и 9% – для деревообрабатывающего производства [16. С. 26].

снижают физический объем фондов как материальную основу любого производства. Как следствие, падает спрос на труд тех осужденных, кто получил специальность или повысил квалификацию в рамках ведомственного профессионального образования. Известно, что инвестиции в переобучение следуют за инвестициями в новые технологии, и при нехватке последних потребность в человеческом капитале оказывается мнимой. В настоящее время из 71 тыс. осужденных, заканчивающих профессиональные училища при исправительных учреждениях, трудоустраиваются лишь 18,3% [3. С. 28].

Таким образом, изолированный от производства институт профессионального образования – еще один фактор, «сжимающий» со стороны уголовно-исполнительной системы предложение собственной продукции, не только способствующий снижению ее валового выпуска, но и «упрощению» номенклатуры, которая часто не находит спроса «на воле». Именно поэтому УИС наращивает долю товарного выпуска для внутрисистемных нужд (54,5%, или 18,1 млрд руб. в 2015 г.) [5].

Налицо тенденция, когда занятость современных арестантов в ИУ с каждым годом становится все более примитивной, маломеханизированной, с низкими показателями фондовооруженности и технического оснащения рабочих мест, что в свою очередь провоцирует снижение сложности их труда в дальнейшем. Такой труд не требует высокой квалификации и профессионализма, поэтому обречен на низкую доходность и продуктивность. Как верно в этой связи постулирует А. Сорокин, «принцип трудовой адаптации осужденных, предполагающий цепочку последовательного взаимосвязанного воздействия на них через профессиональное образование – труд – профессиональную подготовку (переподготовку) – труд и т.д. остается прописанным только на бумаге» [20].

Говоря о трудовой адаптации и формально абсолютизируя ее социальную функцию по возвращению в общество преступивших закон граждан, нельзя не учитывать следующее. Конечно, созидательная сила труда не исчерпывается его внешними результатами – производимыми материальными и духовными ценностями. Он имеет огромную социальную значимость, поскольку в процессе трудовой деятельности развивается сам человек. Однако, на наш взгляд, социальная направленность труда

(а в УИС особенно!) все более проявляется тогда и только тогда, когда в максимальной степени реализуется его экономическая природа. Только такой, преимущественно квалифицированный труд, нацеленный на экономический результат, овестьвленный в конкретном общественно значимом продукте, осужденных исправляет, воспитывает, реабилитирует. Ныне ситуация обратная. По констатации Б. Земцова, «...трудом не исправляют, а унижают, размазывают, добивают» [12. С. 189]. Поэтому в этой связи повторим, острота «конфликта между трудом и капиталом» в УИС проявляется не в направлениях расходования производимой осужденными добавленной стоимости (по утверждению оппонентов, в ущерб их заработкам [2,11,13]), а исключительно в ее крайне низкой величине [6. С. 178, 180].

За весь пореформенный период уголовно-исполнительная система так и не нашла действенных механизмов по привлечению уголовных правонарушителей к производительному труду по созданию общественно значимых материальных ценностей. Поэтому ее производственная деятельность экономически неэффективна. Тем не менее искать и обсуждать возможные в этих целях решения – задача и ведомственных авторов, и правозащитников, и экспертного сообщества.

Развитие пенитенциарного производства: основные идеи и неопределенность их воплощения

Преобладающие в литературе предложения по поводу возможной «реанимации» социально-экономических отношений в УИС отталкиваются, как правило, от идеи налаживания взаимовыгодного сотрудничества исправительных учреждений с предпринимательским сообществом, привлечения внешних инвестиций (государственных и преимущественно частных) в их производственный сектор [15, 16, 21 и др.]. Памятуя об успешном советском опыте хозяйственной кооперации предприятий УИС с предприятиями иных министерств и ведомств, УИС сегодня усиленно призывает бизнес-структуры к созданию совместных производственных участков для трудоустройства осужденных [5, 7, 14]. В контексте развития механизмов привлечения инвестиций некоторые авторы видят «наиболее перспективным и приоритетным для УИС заключение концессионных соглашений» [15. С. 19, 16. С. 28],

но оппоненты приводят разумные и аргументированные доводы о неочевидности их безоблачного будущего [1].

Подобно любой госструктуре, взаимодействующей с частным бизнесом в режиме государственно-частного партнерства, субъект пенитенциарной системы полагает возможным частично переложить на бизнес-партнера расходы по инвестированию и содержанию своей производственной инфраструктуры, а также воспользоваться его опытом и знаниями более эффективного управления собственностью и повышения рентабельности [22]. Однако и частный бизнес вправе надеяться на получение для себя определенных выгод в виде снижения инвестиционных рисков и гарантий определенного уровня доходности [22].

Так, одна из моделей «реализации взаимодействия УИС с деловой и образовательной средой на региональном и муниципальном уровнях» [21. С. 56] основана на заинтересованности крупных (в том числе с госучастием) фирм в создании интегрированных с экономическими субъектами пенитенциарной системы производственных структур. Ключевыми факторами, стимулирующими подобную интеграцию, по мнению автора модели, выступают структурно-технологическая модернизация частных предприятий и обновление ими производственных активов, что позволяет перенести высвобождаемые мощности на промышленные объекты исправительных учреждений, близкие с ними по технологической и предметной специализации.

При этом автор модели сам упоминает о «негативном восприятии “тюремной” системы со стороны рынка как неэффективного коммерческого партнера и источника разнообразных недиверсифицируемых рисков». В частности, он пишет о «высоком риске криминализации, развития теневого отношения, проявления оппортунизма и прочих деструктивных факторов, способном стать непреодолимым барьером для “частника” в деле организации взаимодействия с УИС» [21. С. 54].

К сказанному добавим риски возникновения (роста) издержек на контроль технологии и качества продукции, а также на повышение квалификации «рабочих-сидельцев». Кроме того, остаются непрозрачными и схемы взаимодействия сторонних предпринимателей, администрации учреждений и самих осужденных. И это при отсутствии каких-либо реальных льгот и преференций для организаций, осуществляющих производство с использованием их труда.

Вместе с тем *решающий ограничитель реализации обсуждаемой модели относится, на наш взгляд, к иному, более высокому порядку. Главное в том, что у гражданских предприятий отсутствует потребность в модернизации и активном использовании новых технологий и методов* [23]. Незрелость структуры российской экономики, удручающий бизнес-климат, отсутствие конкуренции ограничивают мотивацию предприятий к расширению и снижению издержек. В силу несовершенства институтов в бизнес-среде превалирует стремление к перераспределению уже имеющихся активов как гарантированному и безопасному средству получения весомых доходов [23]. Следовательно, на фоне отсутствия признаков улучшения индустриального ландшафта страны надежды на успешную реализацию в УИС предпринимательских проектов представляются нам безосновательными.

Альтернативой выдвигаемым выше (и, очевидно, поддерживаемым ФСИН) посылам выглядит предложение экспертов Общероссийского гражданского форума (ОГФ) о преобразовании «тюремного» ведомства в невоенизированную структуру и кардинальном изменении системы управления им [24]. Остающаяся за учреждениями УИС производственную функцию предполагается выполнять под началом гражданского бизнес-менеджмента. Его задача – налаживание контактов с местными предпринимателями и их структурами по поводу заказов и, самое главное, обеспечение трудоустройства осужденных, обладающих необходимой для конкретного пенитенциарного производства профессиональной подготовкой. Для решения организационно-экономических задач УИС предлагается создать за пределами ФСИН госкомпанию (госкорпорацию) с филиалами в регионах, отвечающими за производственную базу исправительных учреждений, что осуществимо в рамках действующего законодательства о некоммерческих организациях.

Итог внедрения в жизнь идеи госкорпорации видится экспертам ОГФ в «более широких возможностях кредитования, упрощении имущественных отношений, гибких схемах поиска заказчиков, изменении правового сопровождения занятости осужденных: от норм Уголовно-исполнительного кодекса, к нормам, предусмотренным Трудовым кодексом РФ» [24]. Предполагается, что госкомпания сможет более эффективно использовать переданное ей имущество, направляя арендную плату за незадействованные

фонды и получаемую прибыль на обновление основного капитала и «осовременивание» производства, вплоть до строительства новых мощностей с передовыми технологиями.

Однако Правительство страны пока решило обойтись без радикальных мер. Распоряжением № 2808-р от 23.12.2016 утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», в рамках которой предполагается направить из федерального бюджета 4,5 млрд руб. (по 500 млн руб. ежегодно в течение указанного времени) на приобретение 35 тыс. ед. техники и оборудования. Цель – к 2025 г. создать 50 тыс. новых рабочих мест, увеличив при этом занятость осужденных на 100 тыс. чел. при организации их работы в две смены [25].

Будут ли эти планы реализованы? В проекте ФЦП, который разрабатывается ФСИН в соответствии с Концепцией, и суммы выделяемых средств, и целевые индикаторы уменьшены почти вдвое: речь идет о создании всего 27 тыс. рабочих мест и трудоустройстве в две смены около 53,5 тыс. осужденных. Если в тексте правительственного документа говорится о формировании 600 объектов для труда в металлообработке и 45300 – в швейной промышленности, то в проекте программы их число сократилось соответственно на 60 и 43%, при предполагаемых госинвестициях в первую отрасль 54 млн руб. и 2,45 млрд руб. – во вторую.

Итоговые выводы на основании изложенного выше просты и очевидны. Скорее всего, ни одно из озвученных направлений решения социально-экономических проблем уголовно-исполнительной системы всецело приемлемым не является. Однако развитие событий по правительственному сценарию, заведомо для УИС ожидаемому и безболезненному, гораздо в большей степени рискует оказаться нерезультативным. Минимальные объемы господдержки не в силах изменить нерыночную, по сути, мотивацию нынешних экономических субъектов УИС и серьезно не скажутся на качестве занятости осужденных и росте квалификации их труда.

На фоне прогнозируемой в масштабах страны нехватки рабочих рук упомянутые в начале статьи «полпроцента» осужденных, видимо, останутся незадействованными в ее экономике,

а «стратегические направления развития производственного сектора УИС» с присущими ему признаками неформальности сохранятся неизменными. Ситуация с консервацией в пенитенциарной системе «вчерашних» технологий и неэффективного, почти нерентабельного труда «сидельцев» будет усугубляться, очевидно, никак не влияя на конкурентоспособность продукции и рост ее добавленной стоимости. Поэтому с сожалением можно лишь предполагать, что связанные между собой проблемы сближения труда в УИС и за ее пределами и постпенитенциарного рецидива, скорее всего, в обозримом будущем так и останутся не разрешенными.

Литература

1. Романова О., Козлов А. Страна отмотала сто лет лагерей. Краткий анамнез российской уголовно-исполнительной системы // Новая газета. – 2017. – № 54. – 24 мая. – С. 3–5.
2. Рабское положение заключенных в России / Доклад; под ред. О. М. Киючиной, Ин-т проблем современного общества (ИПСО). – СПб., 2016 [Эл. ресурс]. URL: <http://i-pso.ru/> <http://i-pso.ru/2016/09/08/rab/> (дата обращения: 12.11. 2016).
3. Тарасова М. И., Смирнов И. С. Профессиональное образование участников социально-трудовых отношений в пенитенциарной системе России: проблемы и пути их решения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 5.
4. Думцы займутся реабилитацией бывших заключенных [Эл. ресурс]. URL: <http://pravo.ru/news/view/127527/> (дата обращения: 06.01. 2017).
5. Доклад Федеральной службы исполнения наказаний «О возможных формах привлечения бизнес-сообщества на производственные площадки уголовно-исполнительной системы» [Эл. ресурс]. URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/news/kharakteristika-proizvodstvennogo-sektora-uis.pdf> (дата обращения: 23.12. 2016).
6. Погудин О. А. «Трудовая революция» в уголовно-исполнительной системе: очередной миф или настоятельная необходимость? // ЭКО. – 2015. – № 11.
7. ФСИН хочет сделать тюремные производства прибыльными [Эл. ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/finance/19Sep2014/fsinlabour.html> (дата обращения: 12.11. 2016).
8. Козин М. Н., Ибрагимов О. А. Многокритериальный анализ целевой эффективности трудовой адаптации осужденных как инструмент повышения экономической безопасности // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2016. – Т. 16. – № 2.
9. Белова Т., Чернышов И. Размышления о подневольном труде в контексте использования труда осужденных // Экономист. – 2015. – № 1.

10. *Алябьева Е.* Российский экз производит в 14 раз меньше американского [Эл. ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1325406/> (дата обращения: 30.03. 2014).
11. ФСИН зарабатывает каждый год на труде заключенных по 30 млрд рублей [Эл. ресурс]. URL: <https://www.politforums.net/internal/1476870120.html> (дата обращения: 02.06. 2016).
12. *Земцов Б.* Зона путинской эпохи.– М.: Алгоритм, 2012.
13. ФСИН: Миф про «самое бедное ведомство». Доклад Ин-та проблем современного общества (ИПСО) [Эл. ресурс]. URL: <http://i-pso.ru/http://i-pso.ru/2017/02/01/1433/> (дата обращения: 02.04. 2017).
14. *Коршунов О.* ФСИН готова развивать отношения с бизнесом [Эл. ресурс]. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=249952 (дата обращения: 09.07.2016).
15. *Козин М. Н.* Пенитенциарная экономика России в условиях санкционных рисков: целевые ориентиры и последствия // Международный пенитенциарный журнал.– 2017.– Т. 3 (1–4).– № 1.
16. *Ибрагимов О. А.* Повышение экономической безопасности уголовно-исполнительной системы на основе развития механизмов привлечения внешних инвестиционных ресурсов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.– 2016.– № 6.
17. Доклады о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний [Эл. ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 06.02. 2017).
18. *Матвеева Н. С.* Ресурсный потенциал производственного сектора уголовно-исполнительной системы России // Вестник института: преступление, наказание, исправление.– 2011.– № 2.
19. *La Porta R., Shleifer A.* Informality and development. // Journal of Economic Perspectives.– 2014.– Vol. 28.– № 3.– P. 109–126.
20. *Сорокин А.* Труд как средство исправления // Преступление и наказание.– 2013.– № 2.
21. *Чернышов И.* Экономика и пенитенциарная система: поиск модели сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность.– 2015.– № 42.
22. *Зедина Ю. А.* Институт государственно-частного партнерства в системной трансформации современной рыночной экономики // Вестник Ин-та экономики РАН.– 2014.– № 3.
23. *Иноземцев В. Л.* Семь внутриполитических ограничителей модернизации России // Журнал новой экономической ассоциации.– 2015.– № 3 (27).
24. URL: https://ria.ru/defense_safety/20161119/1481717031.html (дата обращения: 21.12.2016).
25. Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. N2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210073/ (дата обращения: 25.02.2017).